

Всемирная история

Дмитрий БОРОВКОВ

«ИГРЫ ПРЕСТОЛОВ»

СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Всемирная история (Вече)

Дмитрий Боровков

**«Игры престолов» средневековой
Руси и Западной Европы**

«ВЕЧЕ»

2019

Боровков Д. А.

«Игры престолов» средневековой Руси и Западной Европы /
Д. А. Боровков — «ВЕЧЕ», 2019 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8064-5

Династические войны, многолетние противостояния целых правящих родов – почти норма Средневековья. Деньги, власть, влияние... интриги всех уровней... Порою кажется, что вся история того времени это история междоусобиц. Русь в таком конфликте обрела первых святых, Бориса и Глеба, но аналогичные события происходили здесь с другими личностями, а также известны в государствах Скандинавии и континентальной Европы.

ISBN 978-5-4484-8064-5

© Боровков Д. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

От автора	5
Междукняжеская война Святославичей 970-х гг	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дмитрий Александрович Боровков «Игры престолов» средневековой Руси и Западной Европы

От автора

Династические войны являлись неотъемлемой частью политической практики Античности и Средневековья, эффективным инструментом воздействия, благодаря которым представители правящих династий отстаивали свои интересы, придавая историческому процессу калейдоскопичность. Даже для краткого изложения наиболее значимых конфликтов потребовалось бы написать многотомный труд, поэтому, обращаясь к столь богатой фактическим материалом теме, мы ограничимся преимущественно рассказами о тех династических столкновениях, участники которых пали жертвами братоубийства. Выбирая столь специфический ракурс, обусловленный нашими предшествующими исследованиями междукняжеских отношений на Руси конца X – первой четверти XII в. и становления культа князей Бориса и Глеба¹, мы руководствовались стремлением не только приблизиться к пониманию морально-политических аспектов рассматриваемых династических конфликтов, но и рассмотреть этот феномен в более широком сравнительно-историческом контексте, чем это было сделано ранее. В соответствии с поставленной задачей в этой книге рассматривается репрезентация династических конфликтов в Древней Руси, связанных с гибелью не только Бориса и Глеба, но и целого ряда других русских князей, а также аналогичные эксцессы в государствах Скандинавии и континентальной Европы.

Основными источниками, использованными при написании книги, являются древнейший летописный свод – Повесть временных лет (далее – ПВЛ), две редакции которого (1116 и 1118), выявленные в 1908 г. академиком А. А. Шахматовым, дошли до нас в составе Лаврентьевской летописи 1377 г. и Ипатьевской летописи 1-й трети XV в., а также цикл агиографических произведений Борисоглебского цикла, наиболее крупными из которых являются «Сказание страсти и похвалы мученикам святым Борису и Глебу», которое в XIX в. атрибутировалось некоему Иакову-«мниху», но в современной историографии чаще именуется «Анонимным сказанием», и «Чтение о житии и погублении блаженных стратотерпцев Бориса и Глеба», автором которого является монах Киево-Печерского монастыря Нестор. Наряду с этими текстами привлекаются Новгородская I, Новгородская IV, Никоновская, Львовская летописи, Пискаревский летописец, «Временник Ивана Тимофеева», рассказывающие о братоубийствах на Руси в XIII–XVI вв. Особое внимание уделено памятникам средневекового европейского историописания: «Саге об Ингваре Путешественнике», «Пряди об Эймунде», «Кругу земному» Снорри Стурлусона, «Роскильнской хроники», «Краткой истории датских королей» Свена Аггесена, «Старой хронике Слаланда», «Хронике Эрика», «Славянской хронике» Гельмольда, «Гетике» Иордана, «Истории готлов» Исидора Севильского, «Истории франков» Григория Турского, «Церковной истории народа англонов» Беда Достопочтенного, «Деяниям архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского, «Летописи попа Дуклянина».

¹ Боровков Д. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII вв. и их репрезентация в источниках и историографии. СПб.: Алетейя, 2015; *Он же*. Убийство Бориса и Глеба: от средневековых репрезентаций к современным интерпретациям. СПб.: Алетейя, 2016.

* * *

Предыдущее издание этой книги вышло под названием «Династические войны Средневековья» (М., 2017). При подготовке настоящего издания были устранены замеченные неточности и опечатки, дополнены разделы, касавшиеся династических войн в государствах Восточной Европы и Скандинавии, частично обновлена библиография. В приложении помещен перевод на русский язык одной из древнейших легенд Святовацлавского цикла – *Crescente fide*.

Междукняжеская война Святославичей 970-х гг

Первым династическим конфликтом, спровоцировавшим братоубийство в роду Рюриковичей, стала война между сыновьями киевского князя Святослава Игоревича – Ярополком, Олегом и Владимиром, которые получили власть в Киевской, Древлянской и Новгородской землях соответственно.

Владимир – внебрачный сын Святослава и ключницы Малуши – приобщился к политике случайно, когда по просьбе явившейся в Киев в 970 г. новгородской «делегации» был отправлен княжить в Новгород под надзором Добрыни, своего дяди по матери, после того как от власти в городе на Волхове отказались его старшие братья Ярополк и Олег, которые предпочли княжения в землях полян и древлян. Впрочем, насчет достоверности рассказа о приглашении Владимира на княжение в Новгород В. В. Пузановым высказаны сомнения, суть которых состоит в том, что этот сюжет мог возникнуть под влиянием политических реалий начала XII в.² Они представляются достаточно обоснованными, учитывая, что в политической практике Новгорода замещение новгородского стола по выбору новгородцев впервые происходит в конце XI столетия³, а до этого имеет место назначение новгородских князей из Киева.

Раздел княжений, предпринятый Святославом, оказался поворотным моментом для древнерусской государственности: с этого времени неделимое прежде в роду Рюриковичей господство над восточнославянскими племенными объединениями, почти столетие обязанными варяжским правителям Киева данью, а в случае необходимости и военной поддержкой, оказалось раздроблено. Трудно сказать, насколько беспрецедентным было это решение Святослава. По словам византийского императора Константина VII Багрянородного (912–959), сам он при жизни отца сидел на княжении в «Немогарде»⁴, который можно отождествить не столько с современным Великим Новгородом, зародившимся, по археологическим данным, лишь к середине X столетия, сколько с древнейшей резиденцией новгородских князей, известной как Рюриково Городище⁵.

Летописи молчат о том, на каких условиях Святослав, якобы собиравшийся перенести свою резиденцию в Переяславец на Дунае, завоеванный им во время болгарской кампании конца 960-х гг., разделил земли между своими сыновьями. Как бы то ни было, после его гибели в схватке с печенегами у днепровских порогов при возвращении на Русь в 972 г. братья нового киевского князя могли оказаться для него как деятельными помощниками в деле сбора дани с восточнославянских племенных союзов, так и потенциальными политическими противниками. Как полагает А. В. Назаренко, оснований представлять положение Ярополка особым по отношению к братьям нет, поскольку первые Рюриковичи, подобно франкским Меровингам и Каролингам, управляли землями по принципу «братского совладения» или «родового сюзеренитета», при котором власть была «прерогативой не одной личности, а всего правящего рода». Согласно мнению исследователя, «это могло быть связано с изначальным представлением о сакральной природе королевской власти», на которую распространялось «общее наследственное право, предполагавшее равное наделение всех сонаследников, причем в наиболее архаических случаях сыновья от наложниц уравнивались с сыновьями от свободных жен». Поэтому «обязательной проблемой дальнейшего государственного развития становилась необ-

² Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 253–254.

³ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. [2-е изд.] М., 2001. Стб. 229.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989. С. 45, 311–312.

⁵ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 116, 179–180; Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 93–94.

ходимость выработать четкую систему престолонаследия, которая, с одной стороны, покоилась бы на родовом сюзеренитете, а с другой – гарантировала сохранение государственного единства»⁶. Эта гипотеза восходит к «родовой теории», в классической модели которой, сложившейся во второй четверти XIX столетия в трудах И. Ф. Г. фон Эверса, А. Ф. М. фон Рейца, К. Д. Кавелина и С. М. Соловьёва, княжеская власть рассматривалась как «родовое имущество», при пользовании которым старший в роду получал приоритет «в отца место». Однако, как будет показано ниже, более соответствующей источникам является мысль, выраженная в 1876 г. И. Е. Забелиным, полагавшим, что «первым и естественным законом жизни» рода было равенство братьев, вследствие чего «власть старшего брата была, собственно, власть братская, очень далекая от понятий о самодержавной власти отца», и «для родичей – братьев он все-таки был брат, от которого естественно было требовать отношений братских, так как и для родичей племянников он все-таки был не прямой отец, а дядя, от которого точно так же естественно было требовать отношений старшего родственника, но не прямого отца»⁷.

Свидетельство Константина Багрянородного, как и свидетельства ПВЛ, позволяют предполагать, что первые киевские правители довольствовались присвоением экономических ресурсов и лишь позднее перешли к установлению политического господства над восточнославянскими территориями. Во второй половине X в. «освоение» племенных княжений Рюриковичами, контролировавшими из Новгорода и Киева важную торговую артерию – путь «из варяг в греки», видимо, только начиналось, поэтому, власть князя Святослава, судя по разделу 970 г., распространялась лишь на земли полян, древлян и новгородских словен.

Конфликт между Святославичами не заставил себя долго ждать. Согласно ПВЛ, он разразился в 975 г., когда древлянский князь Олег убил за браконьерство в своих владениях Люта, сына киевского воеводы Свенельда – влиятельного приближенного его отца Святослава, деда Игоря и бабки Ольги, который в 942 г. получил от киевского князя право взимания дани с древлян⁸. В чем могла заключаться причина конфликта Олега с сыном воеводы, неизвестно. Как рассказывает летописец, «однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил своих: „Кто это?“ И ответили ему: „Свенельдич“. И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же, и поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: „Пойди на своего брата и захвати волость его“». Интриги Свенельда увенчались успехом в 977 г.: «Пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполнились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, называемый Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много людей падало, и кони давили людей, Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: „Видел я, как вчера спихнули его с моста“. И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: „Смотри, этого ты и хотел!“ И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк». Узнав об этом, Владимир бежал «за море», и его волость перешла к Ярополку, который отправил в Новгород своих посадников. Согласно летописной хронологии, в 980 г. Владимир вернулся на Русь с помощью скандинавских наемников-варягов: первым делом он выгнал из Новгорода киевских посадников и объявил войну брату⁹.

⁶ Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 503.

⁷ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 524.

⁸ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 110.

⁹ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века (далее – ПЛДР) / Пер. с др. –

А. А. Шахматов подверг сомнению летописный рассказ о причинах конфликта Святославичей и, опираясь на то, что в Новгородской I летописи младшего извода (далее – НЛМ), которая отразила более ранний этап развития летописной традиции, чем составленная в начале XII в. ПВЛ, воеводой Ярополка был назван Блуд, предположил, что именно он был инициатором конфликта, а имя Свенельд и сюжет о Люте Свенельдиче появились при составлении «Начального свода 1093–1095 гг.». Шахматов отождествил Люта Свенельдича с другим сыном Свенельда – Мстишей, упоминаемым в летописной статье 945 г. после рассказа об убийстве в Древлянской земле князя Игоря, и высказал предположение, что Мстиша, в свою очередь, тождественен древлянскому князю Малу, чьи подданные убили пытавшегося собрать дань сверх положенной нормы Игоря, привязав его к двум согнутым деревьям, которые, распрямившись, разорвали его на части. Предположение Шахматова основывалось на синтезе информации НЛМ, где сообщалось, что Игорь отдал право сбора дани в Древлянской земле Свенельду, и ПВЛ, согласно которой злополучная экспедиция была предпринята князем по настоянию дружины, упрекавшей его в том, что дружинники Свенельда были лучше одеты и вооружены¹⁰. Как полагал исследователь, в первоначальной редакции летописного текста гибель Игоря являлась следствием его конфликта с сыном Свенельда, но при составлении «Начального свода» эта информация была устранена, чтобы представить Свенельда не врагом, а союзником князя, для чего Мстиша Свенельдич был превращен в древлянского князя Мала, павшего жертвой неудачного сватовства к вдове Игоря Ольге¹¹. Завершающим элементом реконструкции Шахматова стала актуализация гипотезы Д. И. Прозоровского, который предлагал отождествить с древлянским князем Малом отца ключницы Малуши Малка из Любеча¹². Несмотря на то что в предложенной Шахматовым интерпретации событий можно отметить ряд важных наблюдений (например, предположение о столкновении в Древлянской земле экономических интересов Игоря и Свенельда), в целом она выглядит искусственной, и скептическое отношение к ней представляется вполне оправданным¹³.

А. А. Шахматов выделил еще одну вставку в летописный рассказ о войне Святославичей – сюжет о сватовстве Владимира к Рогнеде, дочери варяга Рогволода, который пришел «из заморья» и установил свою власть в Полоцке. По свидетельству ПВЛ, Владимир «послал к Рогволоду в Полоцк сказать: „Хочу дочь твою взять себе в жены“. Тот же спросил у дочери своей: „Хочешь ли за Владимира?“ Она же ответила: „Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка...“ И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, словен, чуди и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены». Включение этого сюжета в летопись, очевидно, вызвано необходимостью проиллюстрировать некоторые из причин соперничества Святославичей. Книжник XII в., повторивший эту историю под 1128 г. при составлении протографа Лаврентьевской, Радзивилловской и сходных с ними летописей (последним конечным звеном для которых считается «свод 1206 г.»), представляет его более драматично. Он пишет, что после того как Рогнеда отказалась выйти замуж за новгородского князя на том основании, что он сын рабыни, «Владимир разгневался от той речи» и «пожаловался Добрыне и исполнился ярости и, собрав воинов, пошел на Полоцк и победил Рогволода.

русск. Д. С. Лихачева. М., 1978. С. 89, 91.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54–55; Там же. Т. 3. С. 109, 110.

¹¹ См. Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 244–254.

¹² Прозоровский Д. О родстве св. Владимира по матери // Записки Академии Наук. Т. 5. 1864. С. 17–26; Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 255–257.

¹³ Ср.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 195–196; Поннэ А. В. Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники, 1973 (памяти А. Н. Насонова). М., 1974. С. 69–86, 91; Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997. С. 14–15; Королев А. С. Святослав. М., 2011. С. 47–50; Рачин А. М. Борис и Глеб. М., 2013. С. 22–25.

Рогволод же вбежал в город и приступил к городу и взял город [Владимир] и самого [Рогволода] взял, и жену его, и дочь его. И Добрыня оскорбил его и дочь его, и нарек ее дочерью раба и повелел Владимиру овладеть ею перед ее отцом и матерью. Потом [Владимир] отца ее убил, а саму ее взял в жены и нарек ей имя Горислава и породил Изяслава».

Так как Рогнеда была отнюдь не единственной женой Владимира, это могло вызвать в ней чувство ревности, а заодно и стремление отомстить за смерть родственников, поэтому она попыталась убить Владимира. Однажды, когда он пришел к ней и уснул, пишет далее летописец, она попыталась зарезать его ножом, но князь проснулся и схватил ее за руку. Рогнеда стала жаловаться, что Владимир убил ее отца, захватил его волость, но не любит ее. Князь велел ей одеться в дорожные одежды («утварь царскую») и приготовиться к казни. Она же вложила меч в руку своему сыну Изяславу, и сказала: «Когда войдет отец твой, выступи вперед и скажи: „Отец, ты думал, входя, что ты здесь один?“». «Владимир же, – продолжает летописец, – отвечал: „А кто предполагал, что ты здесь?“ – и поверг меч свой»¹⁴. Казнь Рогнеды не состоялась: по совету бояр Владимир отдал ей вместе с Изяславом «отчину ее», Полоцкую землю, которая таким образом приобрела статус автономной волости, фактически вышедшей из системы «коллективного совладения» Рюриковичей и на протяжении 250 лет управлявшейся потомками Изяслава. Лишь на некоторое время киевским князьям – потомкам его брата Ярослава – удавалось силой подчинить его своей власти (в 1069–1071 и 1129–1132). Антагонизм между полоцкими и киевскими князьями был столь очевиден, что автор статьи 1128 г. констатировал: с тех пор внуки Рогволода «меч взимают» против внуков Ярослава, хотя подобное противопоставление было не совсем корректным, поскольку киевские князья являлись внуками Рогволода, также как и их полоцкие соперники.

Рассматривая сюжет об убийстве Рогволода как вставку, надо полагать, что полоцкий инцидент имел место еще до объявления войны Ярополку, ибо по завершении рассказа о женитьбе Владимира на Рогнеде под 980 г.¹⁵ составитель ПВЛ вспоминает о том, что новгородский князь пошел на Ярополка. «И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче – между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот и поныне. Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка – с лживыми словами: „Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоившись этого, выступил против него“. И сказал Блуд послам Владимировым: „Буду с тобой в любви и дружбе“<...>».

«Затворился Блуд (в городе) вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, но из-за горожан нельзя было убить его. Не смог Блуд никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: „Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: „Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка. Беги же из города“. И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что осталась поговорка и до наших дней: „Беда как в Родне“. И сказал Блуд Ярополку: „Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим“ – так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: „Пусть так!“ И послал Блуд к Владимиру

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300.

¹⁵ Некоторые исследователи, отвергая летописную дату, принимают датировку, предложенную в «Памяти и похвале князю Владимиру» Иакова-«мниха», который относит вокняжение Владимира в Киеве к 978 г. (Карпов А. Ю. Владимир Святой. С. 87–88; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 363–371; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 243–244; Милотенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 126–128), что представляется более верным, если учесть тот факт, что первоначальный сюжет был монотематическим и хронологическая сетка появилась в нем позднее.

со словами: „Сбылась-де мысль твоя, и, как приведу к тебе Ярополка, будь готов убить его“. Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною своею. И сказал Блуд Ярополку: „Пойди к брату своему и скажи ему: „Что ты мне ни дашь, то я и приму“. Ярополк пошел, а Варяжко сказал ему: „Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов“, и не послушал его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазухи. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк»¹⁶.

Касательно этого инцидента представляются интересными рассуждения И. П. Еремина, который писал, что «аномалия» летописного рассказа о смерти Ярополка Святославича заключается не в том, что Ярополк, как и его брат Олег, гибнет – и тоже косвенно – от руки родного брата, а в том, что Ярополк гибнет у летописца не так, как мы вправе были бы этого ожидать, судя по тяжести его злодеяния. Известно, как жестоко покарал летописец Святополка Окаянного за аналогичный грех – за усобицу и братоубийство. Ярополк же за свой грех заслужил не «казнь», а «награду»: он, первый на Руси бросивший в братию свою «нож» раздора, погибает у летописца не как герой отрицательный, а как положительный, как «мученик-страстотерпец». Исследователь полагал, что «неожиданный поворот в летописной судьбе Ярополка» объясняется тем, что ее финал попал в житие князя Владимира, поэтому он «разделил судьбу героев нового повествовательного ряда»¹⁷.

К этому можно добавить еще несколько важных обстоятельств. Во-первых, Владимир, начавший войну с Ярополком в целях собственной безопасности, никак не возражает против его физического устранения. Во-вторых, Ярополк лишается сначала власти, а затем и жизни вследствие предательства своего доверенного лица – воеводы Блуда, который воплощает в себе популярный в средневековом историописании (и в ПВЛ, в частности) стереотипный образ «злого советника», на которого летописцы и агиографы стремились взвалить все княжеские грехи. Чтобы еще более сгустить краски, составители Начальной летописи «внедрили» в текст упоминания о вдове Ярополка: «Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк», сопровождая этот факт развернутым комментарием о том, что «от греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира». Относительно интерпретации этого феномена существуют значительные расхождения. По мнению И. Я. Фроянова, в данном случае речь идет «об особенностях перехода в древних обществах власти от одного правителя к другому, часто приобретаемой посредством убийства властителя соперником, претендующим на его должность. Этот способ практиковался и на Руси IX–X вв. Убив правителя, соперник получал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного». Именно поэтому «князь Владимир, умертвив Ярополка, „залеже“ его жену, „от нея же родися Святополк“». «Правомерно предположить, – заключает исследователь, – что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка»¹⁸. С точки зрения Н. И. Милютенко, «женитьба была вызвана не похотливостью князя, а желанием избежать кровной мести в близкородственном кругу. Женившись на вдове убитого, Владимир предлагал самого себя в возмещение», поэтому «монахиня-гречанка не пыталась мстить князю, зато Святополк расплатился сполна, убив своих двоюродных братьев свв. Бориса и Глеба»¹⁹. По убеждению С. Я. Сендеровича, летописное свидетельство о рождении Святополка от монахини-расстриги

¹⁶ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 91, 93.

¹⁷ Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. [2-е изд.] Л., 1987. С. 53.

¹⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.-СПб., 1995. С. 56–57.

¹⁹ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 138.

следует воспринимать скорее как знак идеологической отмеченности, чем как исторический факт²⁰. Как раз в последнем качестве оно интерпретируется в «Анонимном сказании».

С одной стороны, его составитель (или, вероятнее, редактор) писал, согласно с летописью, что мать Святополка, гречанка, прежде была монахиней. «Брат Владимира Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее, и взял в жены, и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, в то время еще язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он», а с другой – признавал Святополка сыном Владимира (третьим), представляя сам факт его рождения как грех язычника. Этому противоречию можно предложить двойное объяснение: одно из них заключается в том, что даже если фактически Владимир не был отцом Святополка, с точки зрения родовых отношений он формально все равно должен был заменить ему отца как старший в роду; другое объяснение может заключаться в том, что в данном фрагменте «Анонимного сказания», текст которого, согласно одной из гипотез, сложился в два этапа, могла отразиться редакторская правка. О том, что «Анонимное сказание» испытало влияние ПВЛ, говорит фрагмент, сходный с летописной статьей 980 г., где сообщается, что «от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки – Борис и Глеб»²¹. Версия о болгарском происхождении Бориса и Глеба породила различные гипотезы, о которых будет сказано ниже.

Если летописная статья 980 г., сообщающая о рождении Святополка, претерпела редакторскую правку, связанную с церковным прославлением Бориса и Глеба, то у автора ее первоначального текста вряд ли были основания для того, чтобы отрицать родственную связь по нисходящей линии между Владимиром и Святополком. Возможно, появление в древнерусском историописании этой тенденции в условиях развития Борисоглебского культа было вызвано необходимостью дистанцироваться от прямого родства со Святополком, тем более что «Анонимное сказание», как считают исследователи, должно было способствовать возвеличению Ярослава и «рода праведных»²². В любом случае и в летописи, и в «Анонимном сказании» эта легенда отвечала агиографическим задачам, позволяя установить символическую связь между «беззаконным» происхождением Святополка и его «окаянными» деяниями. Весьма широк и диапазон интерпретации этой легенды, вплоть до символического отождествления Святополка с Антихристом²³.

Если принять во внимание гипотезу о том, что действия Владимира были продиктованы языческим обычаем, становится понятным негативное отношение к Святополку, сформировавшееся в древнерусском историописании под влиянием духовенства, хотя в «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба» факт незаконного рождения Святополка замалчивается. Но даже если его происхождение было «незаконным», в рамках принятой в Средневековье практики это никак не отражалось на его наследственных правах. В любом случае он был членом княжеского рода и мог рассчитывать на свою долю власти, хотя в древнерусских памятниках дело представлено таким образом, будто эта доля власти была для Святополка мала.

Что касается князя Владимира, оказавшегося причастным не только к прелюбодеянию, но и к братоубийству, то отношение к нему еще более неоднозначно. Пытаясь оправдать непри-

²⁰ Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. 1. Кн. 1. С. 487 (примеч. 12).

²¹ ПЛДР. XI – начало XII века / Пер. с др. – русск. Л. А. Дмитриева. С. 278, 279.

²² Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 449, 450; Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. 2. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М., 2007. С. 253.

²³ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 67, 178.

глядные действия крестителя Руси, древнерусская традиция, ориентированная на морально-этические приоритеты, сформировала два образа Владимира: негативный образ язычника и позитивный образ христианина (который, по словам Иакова-«мниха», каялся и оплакивал все то, что сотворил в язычестве, не зная Бога)²⁴. В ПВЛ приводится информация о его женах и детях: «Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое», и «был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение»²⁵. Разумеется, летописец сформулировал эту антитезу не только потому, что Владимир и Соломон оказались «женолюбцами»; противопоставление здесь гораздо глубже, и оно касается религиозных мероприятий, которые проводили израильский царь и киевский князь. В Ветхом Завете рассказывается, что «во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской. И делал Соломон неугодное пред очами Господа и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости Моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, и Молоху, мерзости Аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам. И разгневался Господь на Соломона за то, что он уклонил сердце свое от Господа Бога Израилева, который два раза являлся ему и заповедал ему, чтобы он не следовал иным богам; но он не исполнил того, что заповедал ему Господь» (3-я кн. Царств, 4-10). Также действовал в начале своего княжения Владимир, который, по словам летописца, устроил в Киеве пантеон «и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, и Хорса, Дажьдбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь». Разница заключалась в том, что Владимир, в отличие от Соломона, проделал путь от почитания «пантеона» богов к монотеизму. Именно поэтому летописная традиция не только противопоставляет их, но даже возвеличивает «невежду» Владимира перед библейским царем, мудрость которого стала притчей во языцех. Можно сказать, что древнерусские книжники в процессе развития древнерусской исторической мысли создали концепцию «двух Владимиров», которая позволяла им, с одной стороны, отдавать дань истине, а с другой – оправдывать самые неприглядные его поступки в пору язычества последующими заслугами перед христианством (в этом плане показателен летописный рассказ о том, что язычник Владимир временно потерял зрение, которое вернулось к нему после крещения). В некоторых памятниках, как, например, в «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба» Нестора, сюжет об аморальном поведении Владимира до принятия христианства отсутствует вовсе, что позволяет создать стереотип «доброго язычника», трансформирующийся затем в образ «праведного христианина».

Более негативное отношение к Владимиру наблюдается у немецкого хрониста Титмара, епископа Мерзебургского, который работал над своей хроникой в 1012–1018 гг., изображая большинство славянских князей как «воплощение дурной власти» в соответствии с «идеальной этической моделью „неправедного правителя“»²⁶, акцентировал внимание на его склонности к аморальному поведению²⁷. Примечателен еще один сюжет, сохранившийся в латин-

²⁴ Милотенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 425, 432.

²⁵ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 95.

²⁶ Парамонова М. Ю. Славянский восток в хронике Титмара Мерзебургского: образ «инога» на пересечении идеологии и риторики // Одиссей. Человек в истории, 1998. М., 1999. С. 42.

²⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия (далее – ДРСЗИ). Т. 4. Западноευропейские источники

ской агиографии второй четверти XI в. Правда, автор этого сюжета, помещенного в «Житии блаженного Ромуальда», Пётр Дамиани, деятель католического *Aggiornamento* XI столетия, известного как Ключийское движение за церковные реформы, завершивший карьеру в сане кардинала-епископа Остии, смешивает события конца X и начала XI вв. Дамиани пишет, что миссионер Бонифаций (в миру Бруно) Кверфуртский отправился проповедовать к некоему «королю руссов» («*ad regem russorum*») и, чтобы убедить его в правоте своей веры, прошел по костру, после чего король и все остальные приняли крещение. «...Король же решил оставить королевство сыну, дабы не разлучаться с Бонифацием до конца своих дней. А брат короля, живший совместно с ним, не хотел уверовать, и потому в отсутствие Бонифация был убит королем. Другой же брат, который жил уже отдельно от короля, как только к нему прибыл блаженный муж, не пожелал слушать его слов, но, пылая на него гневом за обращение брата, немедленно схватил его. Затем из опасения, как бы король не вырвал Бонифация из его рук, если он оставит его в живых, он приказал обезглавить [Бонифация] на своих глазах и в присутствии немалой толпы. Однако тут же сам он ослеп, и его со всеми бывшими там охватил такой столбняк, что никто не мог ни говорить, ни слышать, ни совершать какое-либо человеческое действие, а все стояли, застыв неподвижно, будто каменные. Король, узнав об этом, был в большом горе и задумал убить не только брата, но предать мечу и всех свидетелей этого преступления. Но когда он явился туда и увидел тело мученика, все еще лежавшее на виду, а брата и всех остальных – стоящими в оцепенении без чувств и без движения, он и все его люди сочли за благо сначала помолиться за них – не вернет ли милосердный Господь им утраченные чувства, а потом, если согласятся уверовать, то вина простится им, если же нет, то все погибнут от мстительных мечей. После долгой молитвы как самого короля, так и прочих христиан к оцепеневшим не только вернулись прежние чувства, но сверх того выросла решимость снискать истинное спасение. Они немедленно со слезами просили прощения за свое преступление, с великим ликованием приняли таинство крещения...»²⁸

Этот сюжет является красноречивым примером того, как причудливо могут переплетаться факты в памятниках средневекового историописания (тем более – относящихся к такому специфическому жанру, как агиографический). Бруно Кверфуртский действительно посетил Русь в 1008 г., незадолго до своей гибели в земле пруссов и, как он сообщает в письме к германскому королю Генриху II (1002–1024, император Священной Римской империи с 1014), был принят «господином Руси» (под которым подразумевается Владимир Святославич), и этот монарх весьма заботился о его безопасности²⁹. События, описанные Петром Дамиани, как отмечает А. В. Назаренко, напоминают обстоятельства междукняжеской войны Святославичей: три «короля руссов» могут быть отождествлены с Ярополком, правившим в Киеве, Олегом (чья древлянская волость находилась сравнительно недалеко от Киева) и Владимиром, сидевшим в Новгороде. По его мнению, известия о поездке Бруно-Бонифация на Русь в княжение Владимира наложились на свидетельства о пребывании в Киеве немецких миссионеров при Ярополке, которого они могли обратить в христианство в середине 970-х гг.³⁰ Поскольку свидетельство о том, что Ярополка около 978/79 гг. посещали послы папы римского, сохранилось среди «избыточной информации» Никоновской летописи XVI в.³¹, представление о лояльном отношении его к христианству получило развитие у ряда исследователей³². В его поддержку А. В. Назаренко попытался найти рациональное зерно у европейских

(составление, перевод и комментарий А. В. Назаренко). М., 2010. С. 73.

²⁸ Там же. С. 91–92.

²⁹ Там же. С. 58–60.

³⁰ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 342–343, 371–380. Ср. Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 141–143, 153–155.

³¹ ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 39.

³² Голубинский Е. История Русской церкви. Т. 1. Период первый, Киевский или Домонгольский. Первая половина тома [2-

хронистов XI в., излагающих в весьма запутанном виде историю пребывания Бруно Кверфуртского на Руси, о которой, помимо Петра Дамиани, также писали Адемар Шабаннский и Виберт – псевдокапеллан Бруно. Единственное препятствие к подобной гипотезе заключается в том, что согласно летописному рассказу под 1044 г. Ярослав (в нарушение канонических правил Карфагенского собора) приказал вырыть их останки из могил и после крещения перезахоронить в Десятинной церкви, где княжеский некрополь сформировался после того, как в 1007 г. здесь была захоронена их бабка княгиня Ольга, а в 1015 г. – брат Владимир. Однако это недоразумение устраняется предположением о том, что Ярополк при жизни получил лишь оглашение в качестве христианина, и церемония, осуществленная по приказу Ярослава, как бы завершила его приобщение к христианству. Данная гипотеза имеет право на существование в качестве историографической альтернативы, хотя свидетельства западных авторов, являясь, по существу, литературными латинскими «сценариями» христианизации Руси, не могут рассматриваться как полностью историчные. Несмотря на то что в «сценарии Дамиани» присутствуют традиционные агиографические элементы (прохождение через огонь, ослепление и онемение убийцы миссионера), следует отметить два интересных момента. Во-первых, он отмечает тот факт, что «король руссов» в борьбе за утверждение христианства убил одного из своих братьев, а гибель другого была предотвращена в результате его раскаяния. При этом автор никак не определяет ни собственного отношения к братоубийству, ни отношения своего героя. Во-вторых, приверженность к язычеству убийцы миссионера имеет сходство с летописным сюжетом о первоначальной приверженности Владимира к многобожию. Еще один интересный факт заключается в следующем: ПВЛ в рассказе «об испытании вер» под 986 г. упоминает, что князя посещали «немцы от Рима», но летописец сообщает об отказе Владимира принять их вероисповедание. Нельзя не учитывать того, что рассказ Петра Дамиани может содержать сознательные преувеличения, продиктованные требованиями жанра, как и того, что летопись вряд ли сообщила бы о расправе Владимира над христианскими миссионерами. Все это говорит о том, что неоднозначный образ Крестителя Руси модифицировался в средневековой литературной традиции в зависимости от конкретных целей.

Среди преобразований Владимира Святославича прежде всего надо отметить принятие христианства в качестве официальной религии, имевшее колоссальное значение для формирования новой системы ценностей в древнерусском обществе. Данное явление было результатом тесного русско-византийского взаимодействия в IX–X вв. Оно подвело итог длительному поиску религиозных и политических приоритетов, которым, по свидетельству ПВЛ, были озабочены сначала княгиня Ольга, а затем ее внук Владимир. Политическое единство восточных славян в IX–X вв. было достаточно аморфным, и их консолидация, по всей видимости, произошла благодаря вождям варяжских отрядов, вероятно, появившихся в восточнославянских землях в первой половине IX столетия в процессе скандинавской экспансии. Как позволяют судить западноевропейские источники эпохи Каролингов – Бертинские анналы и письмо императора Людовика II (844–875) византийскому императору Василию I (867–886), сохранившееся в тексте «Салернской хроники» под 871 г.³³, – эти вожди претендовали на тюркский титул кагана, эквивалентный в IX в. статусу императора. Впрочем, судя по свидетельствам ПВЛ, территориальное расширение их «юрисдикции» в экономической и военной сфере произошло лишь на рубеже IX–X вв. Отдельные племенные общности периодически стремились выйти из этой «юрисдикции» и в ответ наказывались «тяжкой данью». Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей» сообщает, что славяне являются «пактиотами» (данниками или союзниками) руссов, среди которых упоминаются «вервианы», «другувиты», «кривичи»,

е изд.] М., 1901. С. 92–93; Рамм Б. Я. Папство и Русь в X–XV веках. М., Л., 1959. С. 39; Панов О. М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. [2-е изд.] М., 1998. С. 184–185.

³³ ДРСЗИ. Т. 4. С. 19–20, 23–24.

«северии», а также «лензанины». В историографии эти этнонимы отождествляются соответственно с древлянами, дреговичами, кривичами и северянами (более спорно отождествление «лензанинов» с лендзянами). Информация императора не дает оснований для утверждения о том, кого он имеет в виду под россами, так как термин *росс* в трактате может интерпретироваться не только с этнической, но и с социальной точки зрения – как обозначение дружины киевских «архонтов» (князей), ежегодно отправлявшейся в «кружение» по землям «пактиотов»³⁴. В официальной хронике Константина VII, приписываемой так называемым продолжателям Феофана Исповедника (к составлению которой, возможно, был причастен сам император), народ *росс* в рассказе о походе на Константинополь в 860 г. определяется как скифское племя (этот термин являлся традиционным для обозначения варваров), а в рассказе о походе 941 г., современником которого был автор, сообщается, что россы, «коих именуют также дромитами», происходят из «племени франков» (под которыми подразумевали жителей Западной Европы)³⁵. Латинские и арабские памятники IX–X вв. конкретизируют их как «норманнов» или «северных людей», что позволяет отнести их к жителям Скандинавского полуострова. Например, биограф германского короля Оттона I Великого (936–973, император Священной Римской империи с 962) епископ Лиутпранд Кремонский в середине X в. писал: «Ближе к северу обитает народ, который греки по внешнему виду называют русью, мы же по местонахождению именуем норманнами»³⁶. Так как этнической общности с таким названием на севере Европы не зафиксировано, Н. А. Полевым и С. М. Соловьёвым было высказано предположение о том, что *русь* является не этнонимом, а социальным термином, обозначающим на юге дружину мореплавателей, синонимом которой на севере являлся термин *варяги*³⁷. Н. П. Ламбин раскрыл значение *русси* как полиэтничной совокупности дружин, эксплуатировавших славянское население путем взимания дани, и высказал предположение о том, что подчинявшаяся им податная территория впоследствии получила название «Русской земли»³⁸. Актуализация этой гипотезы в современной историографии связана с работами Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина, продемонстрировавших первичность термина *русь* по отношению к термину *варяги*, который использовался в X–XI вв. для обозначения скандинавских воинов, не входивших в княжескую дружину³⁹.

Судя по информации Константина Багрянородного, ядро «Русской земли» в середине X в. располагалось в Поднепровье. По мнению А. Н. Насонова, оно локализовалось в районе Киева, Чернигова и Переяславля: эти три главных города «вырастали в X–XI вв. в значении политически господствующих центров»⁴⁰. Эта точка зрения нуждается в некоторых коррективах. О политической роли Чернигова в X в. ничего не известно. Что касается Переяславля, то, согласно ПВЛ, он был заложен Владимиром Святославичем лишь в 993 г. По археологическим данным, в городе не обнаружено пластов ранее конца X в.⁴¹, так что более ранние датировки

³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 51.

³⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей [2-е изд.]. СПб., 2009. С. 129, 262.

³⁶ ДРСЗИ. Т. 4. С. 38.

³⁷ Полевой Н. А. История русского народа: В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 86; Соловьёв С. М. Сочинения: В 18 кн.: Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 119.

³⁸ Ламбин Н. Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП), 1874, Ч. 173, № 6. С. 230–234.

³⁹ Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник. Т. 55. Ч. 2. М., 1998; Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004. С. 263; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 148–150; Они же. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Там же. С. 163–170.

⁴⁰ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. [2-е изд.] СПб., 2006. С. 45.

⁴¹ Комар А. В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама (отв. ред. Н. А. Макаров). М., Вологда, 2012. С. 362.

его возникновения остаются гипотетичными. Предположение о существовании Переяславля в первой половине X или в IX столетии, которое делается, исходя из упоминания Переяславля в летописной статье 907 г. и в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., скорее всего, является позднейшей вставкой, в результате которой политические реалии второй половины XI – начала XII в. проецируются на более ранний период. Это предположение органично сочетается с точкой зрения А. А. Шахматова, согласно которой тексты русско-византийских договоров X в. были введены в летописную традицию на этапе формирования ПВЛ, и с предположением С. М. Каштанова, согласно которому они появились на Руси в начале XII в., с приездом в Киев из Византии митрополита Никифора (1104–1121)⁴². Таким образом, упоминание Переяславля в тексте договоров могло появиться в промежутке между 1105 и 1116 гг., когда игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр закончил работу над текстом ПВЛ, «написа книги си Летописец»⁴³.

Опираясь на поднепровскую территорию на юге (которую обычно называют «Русской землей» в «узком смысле») и Новгород на севере, варяжские правители строили систему взаимоотношений со своими «пактиотами» – славянскими племенными сообществами. О том, что эти отношения были отнюдь не безоблачными из-за амбиций обеих сторон, свидетельствуют два упомянутых в ПВЛ под 913 и 945 гг. столкновения киевского князя Игоря с древлянами (последнее из которых стоило ему жизни). Его вдова Ольга после расправы с князем Малом поставила Древлянскую землю в более сильную экономическую зависимость от Киева. Следующий кризис древнерусской государственности в начале 970-х гг. спровоцировали балканские походы Святослава (которого один из летописцев устами киевлян упрекал в том, что князь «искал» чужих земель, оставив свою), и династический конфликт Святославичей. Победителю в этой междоусобной войне Владимиру в первой половине 980-х гг. пришлось вновь подчинять не только вятичей, на которых возложил дань Святослав, но и радимичей, по свидетельству ПВЛ, плативших дань в начале X в. Олегу.

Считается, что изначально Владимир Святославич пытался сплотить откалывающиеся племенные союзы на базе язычества, для чего и устроил в Киеве пантеон. Если логически связать с этим летописным сюжетом свидетельства о походах на вятичей и радимичей, то получится, что это мероприятие отнюдь не способствовало консолидации славянских племен вокруг киевского князя. Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой Владимир не устраивал никаких религиозных преобразований, а просто перенес языческое капище на новое место⁴⁴. Однако «реформа» языческого пантеона, вероятно, все же произошла, так как, согласно наблюдениям Б. А. Рыбакова и В. Н. Топорова, собственно славянскими божествами здесь были только Перун и Мокошь, тогда как Хорс и Симаргл являлись иранскими культами, а славянские имена Дажьбога и Стрибога оказались кальками соответствующих иранских названий⁴⁵. Иначе говоря, языческий пантеон Владимира носил «межконфессиональный» характер, но главное место в нем отводилось славянскому божеству Перуну, культ которого Е. В. Аничков охарактеризовал как «княжеско-дружинный», противопоставленный «торговому культу» Волоса⁴⁶. Что касается древнерусских летописцев, то их волновал не социально-политический, а идеологический аспект «реформы». Они стремились показать не столько кризис киевской гегемонии в племенных общностях восточных славян, сколько

⁴² Каштанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и Средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1996. С. 40–42.

⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 286.

⁴⁴ Рапов О. М. Русская церковь... С. 195–196.

⁴⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 415–422; Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С. 512–530.

⁴⁶ Аничков Е. В. Язычество Древней Руси. [2-е изд.] М., 2003. С. 311–312.

кризис славянского язычества в целом, для того чтобы мотивировать религиозные искания Владимира. В ПВЛ под 986 г. рассказывается, что к князю с предложением своей веры приходили представители римской и константинопольской церквей, исповедовавшие ислам волжские болгары, а также хазарские иудеи. Этот летописный текст имеет специфическую тенденцию, так как создает только видимость «выбора веры», по существу являясь пропагандистским памфлетом, призванным подчеркнуть достоинства византийской разновидности христианства, так как аргументы представителей других конфессий, в отличие от «речи» греческого «философа», представлены схематично. Возможно, это связано с тем, что до включения в летопись «речь философа» существовала в качестве отдельного произведения. Хотя конфессиональная тенденциозность в целом характерна для средневекового историописания, она, согласно М. Д. Присёлкову, заставляет вспомнить о «греческую руку» летописца. Принятию христианства по византийскому обряду предшествовало обострение отношений между Киевом и Константинополем, которое завершилось захватом важнейшей греческой колонии в Крыму – Херсонеса (в летописях – Корсунь). В русских и иностранных источниках эти события описываются по-разному.

ПВЛ, завершив рассказ об «испытании вер», сообщает, что в 988 г. «пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: „Если не сдадитесь, то простою и три года“. Они же не послушались его, Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали, они, корсунцы, подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж-корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, написав на ней: „Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока“. Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: „Если сбудется это, сам крещусь!“ И тотчас же повелел копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: „Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру-девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу“. И, услышав это, опечалились цари, и послали ему весть такую: „Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царство Небесное восприимешь, и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя“. Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: „Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любы мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи“. И рады были цари, услышав это, и упростили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: „Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе“. Ответил же Владимир: „Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня“. И послушались цари, и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: „Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть“. И сказали ей братья: „Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдешь, то сделают и нам то же“. И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами, и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: „Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не сможешь избавиться от недуга своего“. Услышав это, Владимир сказал: „Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский“. И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с

царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тот тотчас же прозрел. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил Бога: „Теперь узнал я истинного Бога“. Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви Святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуну посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. После крещения привели царицу для совершения брака...»

Этот исторический сюжет прерывается в тексте богословским «наставлением» Владимира, излагающим Символ веры и осуждающим латинское (католическое) вероисповедание, что указывает на вставку, очевидно, сделанную после церковного раскола 1054 г. Из дальнейшего повествования выясняется, что «Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные, и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуну на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи: стоит церковь та и донныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов, и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью Святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы: одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к ручью и приставил 12 мужей колотить его палками. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. „Велик ты, Господи, и чудны дела твои!“ Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: „Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его“. Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перуньей отмелью, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: „Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом“. Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: „Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре“. На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, попы же, стоя, совершали молитвы...»

Летописец сообщает, что Владимир приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. «И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам»⁴⁷.

Современный вид летописного рассказа о принятии христианства, по всей видимости, возник в результате компиляции церковного сочинения и местных преданий о крещении, в которых видны следы церковной обработки. О том, что таких преданий в XI в. было несколько, свидетельствовал летописец, писавший: «Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Васильеве, а другие и по-иному скажут». Несмотря на достаточно подробное изложение событий, ПВЛ не сообщает, почему князь совершил поход на Корсунь. Ответ на этот вопрос дают другие источники. Так, арабский историк середины XI в. Яхья Антиохийский сообщает, что в 987 г. против императора Василия II (976–1025) восстал главнокомандующий византийскими войсками в восточных провинциях Варда Фока, которого отправили усмирять другого мятежного полководца, Варду Склира. Когда у императора истощились богатства, «побудила его нужда послать к царю русов, – а они его враги, – чтобы про-

⁴⁷ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 125, 127, 131, 133.

свить их помочь ему в его настоящем положении. И согласился он на это. И заключили они между собой договор о свойстве, и женился царь русов на сестре Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий... И послал к нему впоследствии царь Василий митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов также и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою...»⁴⁸ Поздний арабский историк Абу Шаджа ар-Рудравари повторяет этот сюжет с незначительными дополнениями: в частности, он пишет, что Анна не хотела выходить замуж за язычника⁴⁹, что находит косвенное подтверждение в тексте ПВЛ. Византийские авторы обходят молчанием этот брак (который по византийским стандартам считался мезальянсом). Например, историк XI в. Михаил Пселл, рассказывая об этих событиях в жизнеописании Василия II, упоминает только, что к нему явился «отряд отборных тавро-скифских воинов» (то есть русов), которых император вместе с другими чужеземцами отправил против войск мятежного Варды Фоки⁵⁰. Лишь Иоанн Скилица, автор второй половины XI в., и использовавшие его хронику поздние компиляторы уточняют, что эта помощь стала возможной в результате бракосочетания Владимира и Анны. Так же мало обращается внимания в памятниках византийского историописания на христианизацию Руси в конце X в. (за исключением одного Парижского кодекса XV в. и сходного с ним Патмосского списка, содержащих т. н. повествование об обращении русских)⁵¹.

В датировке крещения Владимира историки ориентируются на хронологические выкладки «Памяти и похвалы» Иакова-«мниха» (повторяемые в «Чтении о житии и погублении Бориса и Глеба»), согласно которым князь принял крещение на десятый год после убийства своего брата Ярополка (по хронологии Иакова – в 987), а два года спустя (в 989) совершил поход на Корсунь⁵². Вопрос о том, какое летоисчисление применялось в произведении Иакова, решается различно. Не исключено, что летописная дата крещения Владимира (988) могла возникнуть в результате искусственного распределения сюжета по годам. Подавление восстания Фоки относится к весне 989 г.⁵³, а вслед за тем, судя по изложению византийского хрониста конца X в. Льва Диакона, произошло появление кометы, ознаменовавшей взятие «скифами» Херсонеса. По сведениям других хронистов, появление кометы относится к лету 989 г.⁵⁴ В итоге возникает альтернатива, согласно которой брак Владимира и Анны мог состояться либо до взятия Херсонеса, либо после него. В последнем случае придется признать, что в «Корсунской легенде» могли сочетаться и правда, и вымысел. Как писал по этому поводу Д. Д. Оболенский, «...необходимость преодолевать расхождения, содержащиеся в исходном материале, а также желание придать рассказу более морализаторское и патетическое звучание, подталкивали авторов летописи к использованию метода аналогии, когда соединяются воедино сходные события, впрочем, не обязательно совпадающие во времени, а элементы одной истории переносятся в другую. В результате получается повествование, хоть и основанное на фактах, но стилизованное и лишь условно связанное с реальностью»⁵⁵. Еще менее историчен сюжет

⁴⁸ Розен В. Р. Император Василий II Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 23–24.

⁴⁹ ДРСЗИ. Т. 3. Восточные источники (составление, перевод и комментарий Т. М. Калининой, И. Г. Коноваловой, В. Я. Петрухина). М., 2009. С. 108.

⁵⁰ Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 10.

⁵¹ Бибиков М. В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Т. 1. М., 2004. С. 57–66.

⁵² Милотенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир... С. 60–61. Ср. Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». [2-е изд., испр.] СПб., 2011. С. 132–133.

⁵³ Розен В. Р. Император Василий II Болгаробойца. С. 25.

⁵⁴ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 90–91, 222.

⁵⁵ Оболенский Д. Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 206, 208. Исследо-

о крещении Владимира в «Слове о Законе и Благодати» Илариона и «Чтении» Нестора, где факт его обращения в христианство представлен как следствие божественного «посещения» или «видения»⁵⁶. При обращении к иностранным источникам на первый план выступают не поиск новой религии, а матримониальные планы Владимира Святославича, которые представлены причиной религиозных нововведений.

ПВЛ рассказывает: «Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав». Такой порядок перечисления присутствует в Лаврентьевской и Троицкой летописях, тогда как Ипатьевская, Радзивилловская, Новгородская IV и Софийская I летописи помещают Ярослава после Святополка. Далее сообщается, что Владимир «посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире (на Волыни. – Д. Б.), Мстислава в Тмутаракани». Новгородская Карамзинская, Новгородская IV, Софийская I старшего извода, Воскресенская и Никоновская летописи при воспроизведении этого перечня добавляют, что Станислав был посажен Владимиром в Смоленске, а Судислав – в Пскове. В большинстве летописей это событие датировано 6496 (988) г., но Никоновская летопись относит это событие к 6497 (989) г.⁵⁷ Разумеется, отнесение этой информации к 988 или 989 гг. – чистая условность. Ретроспективный характер позволяет предполагать позднее происхождение этого списка, разрывающего повествование о христианизации Русской земли. Возможно, его появление на страницах летописи в современном виде связано со становлением Борисоглебского культа.

По мнению А. А. Шахматова, этот перечень, где сыновья Владимира Святославича были распределены по старшинству, мог читаться в «Древнейшем Киевском своде 1037–1039 гг.»⁵⁸, но был подвергнут переработке в «Начальном своде 1093–1095 гг.». В результате под 980 г. появился краткий перечень, где сыновья были атрибутированы различным женам Владимира, из которого следовало, что он имел от Рогнеды Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода и двух дочерей; от гречанки – Святополка, от чехини – Вышеслава, еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба. При составлении этого перечня автор «Начального свода» допустил ряд ошибок, назвав старшим сыном от Рогнеды Изяслава, приписав Вышеслава другой матери («чехине»), а Владимиру – «лишнего» сына по имени Мстислав. А. А. Шахматов также обратил внимание на то, что вводная фраза, открывающая пере-

ватель предложил «синтетическую» гипотезу о крещении князя, в рамках которой допускается, что оглашение Владимира (prima signatio) могло произойти в Киеве, а крещение – в Корсуни. Ср.: *Петрухин В. Я.* Начало христианства на Руси во второй половине X – первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 77; *Успенский Ф. Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. С. 152.

⁵⁶ ПЛДР. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 591; Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 381.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 121; Там же. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 2000. Стб. 105–106; Там же. Т. 3. С. 159; Там же. Т. 4. Ч. 1. Новгородская Четвертая летопись. М., 2000. С. 89–90; Там же. Т. 6. Ч. 1. Софийская Первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 105; Там же. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2000. С. 313; Там же. Т. 9. С. 57; *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись (Реконструкция текста). [2-е изд.] СПб., 2002. С. 115–116 (Пер. в кн.: ПЛДР. XI – начало XII века. С. 37).

⁵⁸ Гипотеза о Древнейшем своде, получившая развитие в ряде последующих работ, остается наиболее уязвимым элементом шахматовской концепции, в качестве альтернативы которой в разные годы предлагались «Сказание о первоначальном распространении христианства» (*Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947. С. 44–76), «свод 996 г.» (*Черетин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М., 1948. С. 331–333), «Сказание о первых русских князьях» начала XI века (*Тихомиров М. Н.* Начало русской историографии // Он же. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66), «Сказание 1016 г.» (*Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисоглебский сборник (Collectanea Borisoglebica). Вып. 1. Paris, 2009. С. 189–198), и т. д. Вопрос продолжает оставаться дискуссионным, поэтому термин «Древнейший свод 1037–1039 гг.» применяется здесь лишь как формулировка, обусловленная соответствующим историографическим контекстом, ибо первый памятник русского летописания мог сложиться раньше интервала, предложенного А. А. Шахматовым.

чень под 988 г. и в ПВЛ, и в НЛМ, не согласуется с последующим рассказом, на основании чего предположил, что в первоначальном тексте читалось: «Володимеру просвещену самому», а затем следовало «какое-нибудь сказуемое»⁵⁹. Позже было высказано предположение о том, что перечень сыновей Владимира под 988 г. составлен по образцу перечня 12 сыновей библейского патриарха Иакова в «Сказании о 12 камнях на ризе первосвященника» Епифания Кипрского⁶⁰, однако приведенные параллели были признаны произвольными и малоубедительными⁶¹. По мнению С. М. Михеева, в первоначальном варианте перечня под 988 г. были названы 7 сыновей (Вышеслав, Изяслав, Святополк, Ярослав, Всеволод, Святослав, Мстислав)⁶², позднее были добавлены имена Бориса, Глеба (с упоминанием соответственно Ростова и Мурوما)⁶³, а также Станислава, Позвизда и Судислава. Исследователь также предположил, что в порядке расположения имен были произведены изменения: имя Святослава при распределении княжений оказалось упомянуто перед именем Всеволода⁶⁴. Однако есть некоторые основания полагать, что имя Святослава, равно как и место его княжения, являлось вставкой, подобно именам Бориса и Глеба.

А. А. Шахматов, комментируя первый раздел княжений между сыновьями Владимира, отмечал, что «Святослав посажен летописцем в Деревех едва ли не в связи с последующей его судьбой, когда он бежал от Святополка к Угорской горе; казалось, что путь в Угры был ближе всего открыт для князя Деревского»⁶⁵, что тем не менее не помешало ему включить этот сюжет в состав реконструируемого «Древнейшего Киевского свода». «Анонимное сказание» при перечислении сыновей Владимира повторяет летописный перечень под 980 г. (пропустив сына «чехини» Вышеслава), а княжения Бориса, Глеба и Ярослава указывает согласно с перечнем из статьи 988 г. – за исключением того, что вместо Турова резиденцией Святополка назван Пинск⁶⁶. В летописной традиции подобное представление разделял составитель «Летописца Переяславля Суздальского», писавший, что Владимир посадил Святополка в «Пинске и в Деревех»⁶⁷. Возможно, он позаимствовал указание на Пинск из «Анонимного сказания», на связи с которым обратили внимание П. В. Голубовский, А. А. Шахматов и Н. И. Милютенко⁶⁸. Так как «Летописец Переяславля Суздальского» является памятником начала XIII в., то, учитывая политическую специфику предшествующего столетия, на протяжении которого Пинск фигурирует на страницах летописей в политической «унии» с Туровом⁶⁹, следует думать, что его автор имел в виду, будто Святополк был князем не только в Туровской, но и в Древлянской земле. С другой стороны, он не мог не знать о том, что в Древлянской земле княжил Святослав, так как его имя упомянуто в летописи под 988 г. П. В. Голубовский предположил, что источником этой информации могло быть позднее предание смоленского происхождения⁷⁰. Если зада-

⁵⁹ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 107–109, 120–121.

⁶⁰ Данилевский И. Н. Повесть временных лет. С. 169–173.

⁶¹ Лаушкин А. В., Ранчин А. В. Еще раз о библеизмах в древнерусском летописании // Ранчин А. М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. С. 36–40; Он же. Памятники Борисоглебского цикла: текстология, поэтика, историко-культурный контекст. М., 2017; Шайкин А. А. Повесть временных лет: история и поэтика. М., 2011. С. 416–418.

⁶² Михеев С. М. «Святополкъ же седе Кыеве по отци»: уسوبца 1015–1019 гг. в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. С. 68–71, 143–145.

⁶³ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 78–79.

⁶⁴ Михеев С. М. «Святополкъ же седе Кыеве по отци»... С. 144.

⁶⁵ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 78.

⁶⁶ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 279.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей). М., 1995. С. 45.

⁶⁸ Голубовский П. Служба свв. мученикам Борису и Глебу в Иваничской минее 1547-79 гг. // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. Кн. 14. Киев, 1900. С. 141, 143–144, 146, 149; Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 1. С. 45 (прим. 1); Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 99.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 258, 263, 302, 329.

⁷⁰ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1895. С. 247 (примеч. 1).

ваться целью комплексной интерпретации всех имеющихся в распоряжении исследователей данных, то следует согласиться с Н. И. Милютенко в том, что эта информация представляется вполне логичной, так как позволяет объяснить причины ненависти Святополка к Святославу. Однако при детальном рассмотрении проблема оказывается сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что Святослав – единственный из Владимировых сыновей, чьего стольного города ПВЛ не называет (хотя из статьи 977 г. известно, что резиденцией предыдущего древлянского князя Олега мог быть Овруч). Поэтому сообщение о гибели древлянского князя нельзя считать принадлежащим к первоначальному тексту летописи. Скорее всего, оно появилось только на рубеже XI–XII вв., а столетием позже редактор «Летописца Переяславля Суздальского» мог модифицировать этот факт в духе политических реалий своего времени.

В любом случае помещенный в ПВЛ список князей и полученных ими городов (большинство из которых, по всей видимости, возникли в результате градостроительных мероприятий Владимира и были призваны заменить племенные политические центры) имеет важное значение для изучения древнерусской государственности, так как именно к нему, в большей степени, чем к разделу 970 г., восходят представления об «окняжении земель» членами правящего рода. Именно с этого момента можно говорить если не о существовании «империи Рюриковичей», то, по крайней мере, об утверждении за Рюриковичами «монополии» на власть в восточнославянских землях⁷¹. Вопрос о социально-политической сущности этого акта является дискуссионным и интерпретируется в историографии либо как утверждение самостоятельности земских общин, либо как факт создания раннефеодальных уделов, находившихся в вассальной зависимости от киевского князя. Обе интерпретации спорны. С одной стороны, политическую активность городских общин (за исключением новгородских событий 1015 и 1018 гг.) мы наблюдаем только со второй половины XI столетия и не имеем возможности утверждать, сопровождалось ли «окняжение земель» в конце X в. каким-либо соглашением с населением волости, подобным «ряду» более позднего времени. С другой стороны, источники умалчивают о том, сопровождалось ли наделение городами какой-либо феодальной церемонией типа принесения вассальной присяги.

Единственное, что позволяет утверждать ПВЛ, это лишь то, что сыновья Владимира занимались сбором дани на местах и часть ее отправляли в Киев (от необходимости ежегодно отправляться в «полюдье» по подвластным территориям в середине X в., создав пункты сбора дани, избавилась еще княгиня Ольга). Там, где практиковался принцип «братского совладения», сыновья становились правителями либо в случае смерти отца (в качестве примера можно привести разделы во Франкском государстве, совершенные после смерти Хлодвига I и Хлотаря I), либо в случае добровольного сложения власти (как это сделал норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый). Наделив своих сыновей городами при жизни, Владимир Святославич с помощью данной меры, вероятно, решил применить эту традицию к административным потребностям (первоначально функции наместников в городах исполняли пришедшие с ним в Киев варяжские «мужи»). Однако неэффективность новой системы стала очевидна уже к концу правления Владимира.

Титмар Мерзебургский в конце VII книги своей хроники рассказывает о «несправедливости, содеянной королем Руси» Владимиром. «Имея трех сыновей, он отдал в жены одному из них дочь нашего притеснителя герцога Болеслава, вместе с которой поляками был послан Рейнберн, епископ Колобжегский», а «упомянутый король, узнав, что его сын по наущению Болеславу намерен тайно против него выступить, схватил того [епископа] вместе с этим [своим сыном] и [его] женой и заключил в темницу каждого по отдельности». Рейнберн скончался в заточении. «Болеслав же, узнав обо всем этом, не переставал за него мстить, чем только мог. После этого названный король умер, исполнен днями, оставив все свое наследство двум сыно-

⁷¹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л., 1939. С. 29.

вьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице; впоследствии, сам ускользнув, но оставив там жену, он бежал к тестю...» Последняя фраза Титмара («*Post haec rex ille plenus dierum obiit, integritatem hereditatis suae duobus relinquens filiis, tercio adhuc in carcere posito, qui postea elapsus coniuge ibidem relicta ad socerum fugit*») ⁷² является предметом догадок и, невзирая на единодушные исследователей в том, что упомянутым сыном Владимира и зятем Болеслава был туровский князь Святополк, ведутся споры как относительно того, кого именно еще имел в виду мерзебургский епископ в качестве двух оставшихся наследников киевского князя, так и относительно того, оставался ли Святополк в темнице до кончины отца (*adhuc in carcere posito*) и бежал ли он из нее «сразу» ⁷³ или «впоследствии» (*postea*). Наречие *postea* переводится как «далее» и «впоследствии», тогда как немедленность действия, скорее всего, выражалась бы наречием *subito*. Таким образом, о немедленном бегстве Святополка к тестю сразу после смерти Владимира говорить не приходится. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, кого именно имел в виду Титмар, говоря о двух наследниках Владимира. Кроме Святополка он упоминает в своей хронике только Ярослава, но так как Святополк, по Титмару, не мог быть наследником Владимира, потому что находился в темнице, сам Владимир вряд ли мог оставить свое «наследство» Ярославу, потому что, согласно ПВЛ, перед смертью готовился выступить в поход против него. Подходящими кандидатами являлись бы Борис и Глеб ⁷⁴, но это предположение может оставаться лишь догадкой, поскольку ни об одном из них Титмар не упоминает, и на основании текста хроники в качестве наследников Владимира можно подразумевать любого из его сыновей (за исключением скончавшихся к тому времени Изяслава, Вышеслава и, возможно, Всеволода, который иногда отождествляется с «конунгом Виссивальдом», согласно сагам об Олаве Трюгвассоне, посватавшимся к вдове шведского конунга Эрика Победоносного Сигрид Гордой, велевшей ночью после пира сжечь его вместе с другими женихами) ⁷⁵.

Еще одно расхождение существует относительно датировки брака Святополка с дочерью Болеслава и заговора против Владимира. Одни исследователи, вслед за немецким историком Р. Рёпелем, считают, что он имел место в 1012 г. ⁷⁶ Другие, вслед за П. В. Голубовским, полагают, что он состоялся позже – в 1014 или 1015 гг. ⁷⁷ Камнем преткновения в данном случае является другой фрагмент из хроники Титмара, в котором он сообщает, что после заключения в мае 1013 г. в Мерзебурге мирного договора между Болеславом I и Генрихом II поляки напали на Русь при немецкой и печенежской поддержке. Приверженцы первой гипотезы считают, что нападение Болеслава в 1013 г. и было той самой мстью за арест дочери и зятя, а приверженцы второй гипотезы уверены, что война 1013 г. с арестом Святополка никак не связана. На наш взгляд, гипотеза Рёпеля адекватнее, чем гипотеза Голубовского, позволяет интерпретировать

⁷² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 136, 141. Ср. Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017. С. 52, 55–56.

⁷³ Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. СПб., 1872. С. 198; Голубовский П. В. Хроника Дитмара как источник для русской истории. Киев, 1878. С. 7; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь в X–XI вв. М., 1964. С. 236; Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 23–24; Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XI в.). М., 1998. С. 347; Котляр Н. Ф. Мстислав Тмутараканский и Ярослав Мудрый // Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 (Памяти члена-корреспондента РАН А. П. Новосельцева). М., 2000. С. 137.

⁷⁴ Святые князья-мученики Борис и Глеб. С. 82.

⁷⁵ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий [2-е изд., испр. и доп.]. М., 2012. С. 148, 168.

⁷⁶ Фортинский Ф. Я. Титмар Мерзебургский и его хроника. С. 197; Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник (опыт анализа). М., 1957. С. 82–84; Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь... С. 219–223; Лысенко П. Ф. Киев и Туровская земля // Киев и Западные земли Руси в XI–XIII вв. Минск, 1982. С. 89; Пчелов Е. В. Генеалогия древнерусских князей IX–XI в. М., 2001. С. 161; Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 41.

⁷⁷ Голубовский П. В. Хроника Дитмара как источник для русской истории. С. 6; Головкин А. Б. Древняя Русь и Польша... С. 22; Картов А. Ю. Владимир Святой. С. 346; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 301, 310–312.

информацию Титмара: в этом случае устанавливается логическая связь между двумя фрагментами произведения и не приходится искать гипотетических проявлений мести Болеслава вне контекста.

Примерно в это время на Руси происходил новый этап «окняжения» земель, вызванный смертью княжившего в Новгороде Вышеслава, в ходе которого свои волости получили Борис и Глеб – причем Борис был представлен преемником на ростовском столе своего брата Ярослава⁷⁸, который, заняв место Вышеслава в Новгороде, через некоторое время отказался посылать в Киев дань. В «Истории Российской» В. Н. Татищева смерть Вышеслава датируется 1010 г.⁷⁹, однако последнее исследование «татищевских известий», осуществленное М. Б. Свердловым, демонстрирует несостоятельность некоторых построений, относящихся к политической истории Руси начала XI в.⁸⁰ Впрочем, уязвимость хронологических выкладок и гипотез, сформулированных Татищевым, отнюдь не мешает исследователям утверждать, что в последние годы правления Владимир предпринял последнюю реформу, призванную радикально изменить принцип наследования верховной власти.

По мнению Татищева, Владимир рассчитывал передать власть своему старшему сыну от брака с царевной Анной Борису, в обход сыновей от других браков⁸¹. Поскольку и в ПВЛ, и в «Анонимном сказании» Борис и Глеб называются сыновьями «болгарыни», следует подчеркнуть, что гипотеза об их византийских корнях основывается на факте, появлением которого мы обязаны составителю «Тверского сборника», летописного памятника первой трети XVI в.: именно он первым назвал Бориса и Глеба сыновьями византийской царевны⁸². Достаточно позднее происхождение этого текста может объяснить нам причины подобного утверждения. «Тверской сборник» был составлен в период, когда в Московском государстве активно формировались «имперские представления», обусловленные установлением родственных связей московских князей с последней византийской династией Палеологов через брак Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог (1472), которые сформировали идеологические предпосылки к принятию царского титула Иваном IV (1547). Поэтому не исключено, что составитель «Тверского сборника» мог создать по заказу великокняжеского правительства своеобразный «исторический прецедент». Эту же версию повторяет более поздний свод XVI в., известный как «Новый Владимирский летописец»⁸³.

С. М. Соловьёв отмечал: «Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна – царевна, причем Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоров Василия и Константина, тетка которых, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским (имеется в виду царь Болгарии Пётр, жена которого приходилась византийскому императору Роману I Лакапину не дочерью, а внучкой. – Д. Б.

⁷⁸ В качестве городского центра Ростов сложился, по-видимому, в конце X века (См.: *Леонтьев А. Е.* На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. С.172; *Петрухин В. Я.* Русь в IX–X веках: от призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 241–243).

⁷⁹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2–3. История Российская [репринт изд. 1963, 1964]. М., 1995. С. 70. А. М. Ранчин предложил датировать второй раздел княжений Владимиром 1001/02 г. – после смерти Изяслава Полоцкого, однако это предположение основывается лишь на том, что Изяслав при повторном разделе княжений не упоминается (*Ранчин А. М.* Борис и Глеб. С. 105).

⁸⁰ *Свердлов М. Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 113–114.

⁸¹ *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 2–3. С. 70, 237 (прим. 213).

⁸² ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 73.

⁸³ *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М., Киев, 2005. С. 446 (примеч. 95).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.